Спасти евреев. Как это делалось в Полтаве

Оккупированная Полтава, 1942

Около половины еврейского населения было уничтожено в Полтавской области в годы Холокоста. Многие успели эвакуироваться, кто-то был спасен соседями-украинцами. О них — Праведниках народов мира из Полтавской области — и пойдет речь. Личные истории спасителей и спасенных, коллаборация и сопротивление, равнодушие и героизм — в интервью с выпускницей магистерской программы по иудаике НаУКМА Татьяной Бородиной, исследовавшей стратегии поведения местного населения в годы войны.

— Татьяна, кого, кроме немцев, стоило опасаться людям, укрывавшим евреев? Насколько часто соседи выдавали своих соплеменников, рисковавших жизнью ради спасения обреченных на смерть?

— Такие случаи известны, хотя и не были массовыми. Например, семья Алексея и Анны Иванюты из села Корсуновка под Лохвицей прятала у себя врача Ципу Шерман до тех пор, пока местный священник не начал

подозревать, что та — еврейка. Он потребовал, чтобы Шерман присоединилась к церковному хору, в противном случае угрожая выдать ее немцам. В ту же ночь женщина была вынуждена бежать.
Но чаще окружающие вели себя по-другому. Характерна история спасения еврейки Марии Букиной и ее сына, живших в Пирятине, где Мария была продавцом в
хлебном магазине. Понятно, что ее знало полгорода. Женщина должна была разделить судьбу евреев Пирятина, но близкая подруга — Евдокия Коверда, — пойдя в лес за дровами, стала случайной свидетельницей «акции». И в отличие от большинства местных жителей, оказавшихся в такой ситуации, не бежала со всех ног домой, а нашла полицая и немца, руководившего расстрелом, убедила их, что Мария и ее сын — не евреи, а после того, как их отпустили, долгое время прятала спасенных у себя дома. Об этом знали практически все в округе, но никто не выдал женщину.

Как бы то ни было, землякам-евреям было проще спастись, чем бежавшим из других городов или из плена.

— Насколько я понимаю, нередко решающим фактором была личная дружба со спасителем?

— Это правда, причем, это могли быть даже приятельские отношения с людьми, верой и правдой служившими новому режиму. Так спаслась полтавчанка Мария Робски, чей довоенный знакомый — советский адвокат — стал начальником полиции. Этот человек — Алексей Маковей, — разумеется, знал, что Мария — еврейка, тем не менее, он поселил ее к своей родственнице — в бывший еврейский дом, хозяев которых он сам же и выгнал. Такие вот двойные стандарты, основанные исключительно на личной симпатии. Впоследствии Маковей устроил свою знакомую санитаркой в роддом под Полтавой, потом на хлебозавод и даже после того, как Марию забрали на работу в Германию, никто так и не узнал, что она еврейка.

Мария Букина, 1964

Евдокия Коверда с внуком

— Пытались ли отдельные полицаи, сельские старосты, представители местной администрации предупреждать евреев об опасности или даже спасать их?

— Изредка бывало и такое. Например, в Пирятине евреям помогла работавшая в немецкой комендатуре девушка Лида, сообщившая, что их скоро расстреляют. Так удалось спастись Иосифу Фишеру, который и рассказал эту историю. Можно вспомнить и о спасении семьи Клоц, которой помогала полтавчанка Наталья Филянская через своих школьных друзей — полицаев, всегда знавшая о грядущей облаве. Девушка переводила еврейскую семью из одного укрытия в другое и обеспечивала всем необходимым. 23 сентября 1943 года Красная Армия освободила Полтаву, и на следующий же день Аврелий Клоц и Наталья Филянская поженились.

Известно, что бургомистр Кременчуга Синица-Верховский пытался тайно, при помощи протоиерея Романского, крестить группу евреев, но был разоблачен и казнен немцами.
Ряд сельских старост использовали свое служебное положение, чтобы спасти односельчан, в том числе евреев, укрывая их в своем доме. Некоторые

старосты приходили к Хорольскому лагерю, подкупали немецкую администрацию и забирали якобы жителей своего села (часто это были незнакомые старосте люди, которых он впервые видел). Именно таким образом спасся еврей-военнопленный Абрам Резниченко. Мужчина вспоминает, что однажды пришел староста и после переговоров с администрацией спросил: «Кто из Лохвицы?». Абрам также поднял руку, и староста его освободил.

Один случай достоин особого упоминания — речь о спасении старостой села Рясское Ильей Веприцким еврея Нухима Верещацкого. Парень, потерявший в гетто Каменки Черкасской области мать и всех братьев и сестер, пытался устроиться на временную работу в Рясском. Представился Андреем Иванченко, украинцем по отцу, евреем по матери — иначе было не объяснить обрезание. Староста все понял, наказал ничего никому не рассказывать и предложил остаться у него дома — помогать жене по хозяйству. Приехавший однажды в село немецкий комендант обратил внимание на внешность парня и начал расспрашивать, кто да откуда. Веприцкий солгал, мол, «Андрей» — цыган. Нухим жил у своих спасителей до освобождения села в августе 1943-го. Надо отметить, что это единственный случай, когда староста прятал у себя дома пришлого еврея, с которым не имел дружеских или приятельских отношений до войны.

— Очевидно, что в большинстве случаев роль старост, как и других коллаборационистов, была куда более мрачной?

— Разумеется, старостами или полицаями обычно становились люди, как минимум, лояльные оккупационной власти, а иногда и полностью разделявшие политику геноцида в отношении еврейского населения. Тот же Иосиф Фишер из Пирятина упоминал, что староста по фамилии Казаков — бывший уголовник — с ненавистью относился ко всему еврейскому.

В «Яд Вашем» хранится свидетельство о судьбе врача-гинеколога Любови Лагман, жившей с дочкой в Сорочинцах. После прихода немцев местные жители долгое время прятали женщину. Когда в соседнем селе у жены старосты были тяжелые роды, врач с риском для жизни отправилась туда и спасла и женщину, и ребенка. После чего староста сообщил немцам, что в его доме находится еврейка, и ее вместе с дочкой расстреляли…

В Кременчуге после переселения евреев в гетто пособники нацистов и просто местные жители грабили их имущество. О полицаях и говорить нечего — они хоть и редко принимали участие в расстрелах, но устраивали облавы, охраняли территорию, пока шла «акция», получая потом одежду и имущество убитых, а иногда занимая их квартиры.

В геноциде был задействован даже медицинский персонал, который, по приказу оккупационной власти, делал смертельные инъекции детям и старикам.

— Правда ли, что в 1942 году найти убежище немногочисленным оставшимся в живых к тому времени евреям стало намного сложнее, чем в первоначальный период оккупации?

— Да, и это было обусловлено целым рядом причин. Дело в том, что в 1942-м на территории Харьковской и Донецкой областей начался голод, и многие потянулись на Полтавщину, создавая конкуренцию евреям, искавшим убежище.
Бытовало мнение, что в селе легче прокормиться, к тому же с приближением линии фронта немецкий контроль ослаб, что позволило беженцам с Харьковщины спасаться от голода в полтавском «тылу».

Дочь праведника Ильи Веприцкого с Нухимом Верещацким, 2007

Мордко Заславский (Дмитрий Мироненко) вспоминал, что много раз ночевал вместе с беженцами, которые, как правило, объединялись и занимали на ночь какую-то заброшенную хижину. Среди них было в ходу понятие «бомбить», то есть ходить по домам и искать пропитание. Рост числа беженцев привел к тому, что местное население Полтавщины стало реже пускать их к себе на ночлег.

— Что ждало людей, приютивших евреев, если убежище обнаруживали?

— Немцы часто применяли принцип коллективной ответственности, в населенных пунктах были развешены объявления: «Пустивший еврея на ночлег и предоставивший ему жилье будет немедленно расстрелян не только сам, но и его семья».
Впрочем, несмотря на все предостережения со стороны немецкой администрации, местные жители на одну ночь часто пускали к себе людей, нуждавшихся в помощи. Анатолий Зильман вспоминает, что во время массовых расстрелов в Лубнах ему с матерью чудом удалось уцелеть. Мама взяла его на руки и пошла по домам с просьбой о помощи. Благодаря тому, что главу семейства хорошо знали в городе, местные жители помогали его

жене и сыну — пускали переночевать, давали пищу и предметы первой необходимости.

Подобным образом спаслись Ася и Рая Бураковские, прятавшиеся в селах, пытаясь уйти как можно дальше от железнодорожных путей и крупных пропускных пунктов — во избежание встречи с немцами. Каждый день они искали новое место для ночлега. С одной стороны, эта тактика была обусловлена нежеланием подвергать местных жителей смертельной опасности. А с другой, так было легче избежать доносов со стороны соседей, ведь если евреи ночевали в определенном доме лишь одну ночь, а затем переходили в другое село, то шанс попасться на глаза соседям был невелик. Лишь несколько раз Рая с мамой задерживались более суток на одном месте. Как, например, у пожилой учительницы в Новых Санжарах, которая не хотела их отпускать, несмотря на огромный риск. Решающую роль в их судьбе сыграла семья Татьяны Руснак. Брат этой женщины пришел к выводу, что единственный способ спастись Асе и Рае — это перейти линию фронта. Он отдал Асе Абрамовне паспорт сестры, в который вклеил новое фото. Беглянки прошли с этим документом много километров, не вызвав подозрение у немцев.

— Как сложилась судьба спасителей в советское время? Кто-нибудь помнил об их подвиге, кроме спасенных евреев? И когда они получили звание Праведников народов мира?

— Общий политико-идеологический фон в СССР способствовал замалчиванию как геноцида евреев, так и случаев их спасения местным населением. Процесс присвоения звания Праведников народов мира начался после провозглашения независимости — первыми на Полтавщине этот статус получили в 1995 году семья Алексея и Анны Иванюты. Потом этим званием были отмечены Наталья Филянская (1996 г.), Татьяна Руснак (1997 г.), Евдокия Коверда (2000 г.) и многие другие. Процесс этот продолжается по сей день, и с каждым годом найти свидетелей подвига все труднее, хотя за нас эту работу не сделает никто.

Беседовал Александр Файнштейн